

Марина
СЕРОВА

Дочь киллера

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Дочь киллера

«Научная книга»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Дочь киллера / М. С. Серова — «Научная книга»,
2018 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-097465-8

На сей раз Евгении Охотниковой предстоит охранять психолога Владислава Перегудникова, но добраться до него она не успевает. Когда Женя приезжает к нему, оказывается, что на психолога ночью было совершено покушение, в результате которого Перегудников попал в реанимацию. Теперь задача Охотниковой – найти виновника нападения. Но в первую очередь необходимо выяснить, как бандит смог попасть на территорию хорошо охраняемого поселка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097465-8

© Серова М. С., 2018
© Научная книга, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Сергеевна Серова

Дочь киллера

© Серова М.С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Дело было вечером, делать было нечего. Именно от нечего делать я начала просматривать сайты с предложениями туристических фирм. А что? Я только что закончила очередную работу по охране дочери денежного туза. Признаться, работа была не из легких. Вот не понимаю я этих олигархов. Как можно кидать понты, когда к нежному горлышку единственной дочурки приставлено лезвие ножа? Понтоваться можно в любом другом случае, но проявлять принципиальность, когда речь идет о жизни и смерти твоего ребенка, – это, по меньшей мере, неумно. Хорошо, что все закончилось хорошо, и я сдала с рук на руки «любящему» папочке его лапочку-дочку и теперь имею полное право и желание отдохнуть где-нибудь в... Впрочем, пока я и сама не знаю, где именно. Надеюсь, что в Интернете найду что-нибудь подходящее.

Я щелкнула мышкой и попала на сайт, который предлагал отдых на Бали. Оказывается, здесь семнадцать тысяч островов – «от крошечных райских уголков вроде Гили до Суматры площадью с Испанию». Турфирма рекомендует «не пропустить Боробудур и вулкан Бромо на Яве», побывать на озере Тоба и сходить в трек по джунглям на Борнео. Заманчиво!

А вот реклама пляжного отдыха в Турции, и, судя по тексту, не только пляжного. «Этому варианту очень часто отдают предпочтение, если интересует недорогой отдых за границей. Некоторые скажут, что это примитивно, и здесь можно лишь либо валяться на пляже, либо отсиживаться в отеле. Но это не так. Это стереотип, который очень легко развеять. В Турции, кроме пляжного отдыха, можно насладиться еще многими местами. Удивительные горы, прекраснейшие водопады и древние города – все это можно увидеть именно здесь, и это оставит просто незабываемые впечатления об этой стране и отдыхе в целом». Хм, у меня впечатления об этой стране, как бы это поделикатнее сказать... несколько иные, опять же, в силу специфики моей работы. Как-то раз пришлось мне оказаться в Турции, сопровождая одного очень важного клиента, за которым охотилась русская мафия. Да...

А куда еще можно отправиться? Вот, Таиланд. «Эта азиатская страна хорошо известна туристам всего мира своими прекрасными пляжами, экзотической природой и архитектурой, бурной ночной жизнью, тайским массажем. Одни из самых популярных мест отдыха в этой стране – курорты Пхукета и Краби, незасыпающий, древний и современный Бангкок». В принципе, можно посетить и Таиланд. Однако нужно просмотреть все варианты. Что там еще?

Греция. «Нет человека, который бы не слышал о мифах и легендах этой страны, не видел бы фотографий ее исторических памятников и античных скульптур и отказался бы увидеть их в реальности». Туры в Грецию предполагают посещение ее островов и материковой части. Да, в Греции, как известно, все есть. Посмотрим, посмотрим.

Я прокрутила колесико мышки. «Израиль, святая земля для трех мировых религий, будет интересен любому человеку. Вы увидите места, которые описаны в литературных шедеврах, сняты во многих фильмах, а для людей верующих это настоящее паломничество. Впрочем, Израиль предлагает и возможность насладиться пляжным отдыхом, укрепить здоровье на побережье Мертвого моря, которое полюбили также поклонники водных видов спорта». Может быть, махнуть? В Израиле я еще не была.

Тут мой взгляд опустился на строчку ниже, и я прочитала, что «можно неплохо отдохнуть в североафриканской стране – Тунисе и воспользоваться восстанавливающими возможностями талассотерапии, которую предлагают многие местные курорты. Любители экстрима могут отправиться на экскурсию в Сахару, а любители древностей – на развалины легендарного Карфагена». Вот куда я уж точно не отправлюсь, так это в Африку. С этим континентом у меня связаны очень уж неприятные воспоминания. Мне довелось побывать в составе спецотряда «Сигма», в который я попала после окончания Ворошиловки, в одном весьма экзотическом местечке и на своей шкуре испытать все местные «прелести». Начиная от несусветной жары

и невыносимой влажности и кончая риском попасть в руки тамошних аборигенов, имеющих каннибальские пристрастия. Правда, это было в Восточной Африке, на границе Кении и Танзании. А Тунис находится на севере континента, где есть какая-никакая цивилизация. Но все равно – нет.

Так и не решив, куда же именно мне податься, я потянулась и встала из-за стола. В это время раздался телефонный звонок.

– Алло, – сказала я, сняв трубку.

– Будьте добры Евгению Максимовну, – взволнованно произнес мужчина.

– Я вас слушаю, – ответила я.

– Евгения Максимовна, меня зовут Владислав Семенович Перегудников. Мне рекомендовали вас как опытного и надежного телохранителя. Мне нужна ваша помощь.

– Вам угрожают? – спросила я.

– Н-нет, – с едва заметной запинкой ответил Перегудников.

– На вас была попытка совершить покушение? – продолжала допытываться я.

– Тоже нет.

– Тогда что же? – задала я следующий вопрос.

– Евгения Максимовна, я не могу сейчас обстоятельно ответить на ваши вопросы, к тому же это не телефонный разговор. Я бы предпочел личную встречу.

– Хорошо, – согласилась я, – как срочно вам нужна охрана? Мне приехать прямо сейчас?

– Думаю, что в особой срочности необходимости нет, – ответил Владислав Семенович.

– Вы уверены в этом? – на всякий случай спросила я.

– Да, пожалуй. Сейчас уже вечер, а завтра с утра я вас жду.

– Диктуйте адрес, – сказала я.

– Пишите: коттеджный поселок «Тарасовский изумруд», улица Жасминная, дом номер пять.

– Ладно, Владислав Семенович, – произнесла я, – завтра в... Во сколько вам удобно, чтобы я приехала?

– Думаю, что в девять часов будет в самый раз, – ответил Перегудников.

– Договорились, – сказала я. – До завтра.

Я положила трубку. Ну вот, вопрос с отдыхом решился сам собой. В самое ближайшее время Греция, Израиль, а также Таиланд мне не грозят.

– Женя, – раздался из кухни голос тетушки Милы, – иди ужинать.

– Иду, тетя Мила, – отозвалась я и направилась на кухню.

Еще проходя по коридору, я почувствовала, как рот наполняется слюной, настолько ароматные запахи доносились с кухни.

– Чем порадуешь, тетя Мила? – спросила я.

– Сегодня у нас на ужин «гнездышки» из мясного фарша с пшеном и шампиньонами, – торжественным тоном проговорила тетушка, – а на десерт – яблочно-грушевая шарлотка.

– Тетя Мила, ты меня раскормишь, – удрученно заметила я, – хотя устоять перед твоими кулинарными шедеврами просто невозможно.

От моей похвалы тетушка расцвела, как розовый куст.

– Женечка, – сказала она нежно, – уж что-что, а ожирение тебе не грозит. Ты ведь каждый день изводишь себя тренировками.

– Тетя Мила, – с набитым ртом отозвалась я, – но ведь тренировки – необходимая часть моей работы, ты ведь знаешь.

– Знаю, конечно, знаю я твою работу, – тетушка неодобрительно покачала головой. – Ох, помяни мое слово, Женя, она до добра тебя не доведет. Где это видано, чтобы молодая девушка день и ночь стреляла, дралась и гоняла на машине? А когда же замуж выходить? Детей рожать?

«Ну вот, тетушка села на своего любимого конька, – подумала я. – Ее хлебом не корми, только дай возможность лишний раз провести со мной воспитательную беседу на тему, как важна для женщины семья».

– А, потом, – я махнула рукой, – когда-нибудь.

– Потом будет поздно! – настаивала на своем тетушка.

– Тетя Мила, вот именно сейчас я никак не могу выйти замуж и рожать, – с серьезным видом произнесла я, хотя меня и разбирал смех.

– Женя, – тетушка сделала трагическое лицо, – когда-нибудь ты вспомнишь мои слова, но будет уже поздно!

– Тетя Мила, пожалуйста, не начинай, – взмолилась я, – твой ужин сегодня удался на славу. Не знаю, когда мне еще придется вкусить такой же.

– А что случилось, Женя? – встревоженно спросила тетушка.

– Завтра я отправляюсь к некоему Перегудникову Владиславу Семеновичу. Охранять его, – пояснила я, увидев ее недоуменный взгляд.

– Владислав Перегудников? – переспросила тетушка.

– Ты его знаешь? – поинтересовалась я.

– Ну, если речь идет о психотерапевте Перегудникове, то, пожалуй, да, знаю. Мы с его супругой Альбиной Георгиевной одно время работали вместе. Я даже несколько раз была у них дома. Альбина была очень хлебосольной хозяйкой.

– Почему ты говоришь, что «была»? – спросила я. – Ее что, уже нет в живых?

– Вот этого я не знаю, – сказала Мила, – мы ведь очень давно не виделись. Да нет, должно быть, с ней все в порядке. Она примерно моего возраста, с чего бы ей умирать? Хотя... пути господни неисповедимы...

– Тетя Мила, давай не будем о грустном, – попросила я. – Ты лучше расскажи о Перегудникове все, что помнишь. Как-никак с завтрашнего дня он – мой охраняемый объект.

А ведь я понятия не имею, тот ли это Перегудников, которого знала тетушка, или нет. Ладно, завтра узнаю. С другой стороны, маловероятно такое полное совпадение имени, отчества и фамилии.

– Ну что я могу сказать? – произнесла тетушка. – Владислав Семенович – врач-психотерапевт, нарколог, психиатр. В общем, насколько я поняла, у него довольно-таки обширная специализация и вследствие этого широкий круг пациентов.

– Ты хочешь сказать, что у Перегудникова – большая частная практика? – спросила я.

– Женя, об этом можно только догадываться, но весь образ жизни этой семьи говорит в пользу данной версии, – ответила тетушка.

– То есть...

– То есть они жили, то есть живут, – поправилась тетушка, – в шикарной трехкомнатной квартире в сталинском доме на улице Советской, дом – полная чаша.

– Странно, а мне Перегудников дал адрес в коттеджном поселке «Тарасовский изумруд», – сказала я.

– Возможно, сейчас они живут за городом, – заметила тетушка, – повторяю, что я уже много лет не встречалась ни с ним, ни с его женой. Сколько воды утекло! – философски добавила она.

– Действительно, мало ли что могло произойти, – согласилась я с ней. – Ну, а что еще ты можешь сказать по этому поводу? Есть ли у них дети?

– Детей, насколько мне известно, у них нет. Вот у сестры Владислава есть две дочки-близняшки. Тогда это были очень милые малышки. Естественно, что бездетные Перегудниковы души не чаяли в своих племянниках. А саму сестру Владислава, если не ошибаюсь, зовут Тамара. Да, домашние звали ее Томочкой. Ну, вот, собственно, и все, что я могу сказать, – закончила Мила.

– Спасибо, тетя Мила, за информацию и за ужин, конечно, тоже, – поблагодарила я тетушку.

Вскоре мы разошлись по своим комнатам. Тетушка сказала, что еще немного почитает на сон грядущий. Почитает она, естественно, что-нибудь из детективного жанра: Мила обожает запутанные истории.

Я легла спать, но сон почему-то не шел. Когда я наконец уснула, мне приснилось, что по горной дороге поднимается колонна военной техники. Вдруг откуда-то сбоку на нее обрушился шквальный огонь. Тут же темное небо располосовали реактивные трассы. Вдали дымился сгоревший танк. Потом батальная картина сменилась полевым лазаретом, в котором страдали раненые. Почему мне приснился этот сон?

Так и не найдя ответа на свой вопрос, я встала с постели и посмотрела на часы. Времени до визита к Перегудникову было достаточно для того, чтобы совершить мою традиционную пробежку, которой я не пренебрегала даже в самую отвратительную погоду. Телохранитель просто обязан поддерживать себя в надлежащей форме. Кроме пробежек, я несколько раз в неделю посещала тренажерный зал и стреляла в тире. Сейчас, когда у меня появилась новая работа, с залом и тиром, скорее всего, придется повременить. Но ничего страшного, вчера я «качалась» в фитнес-клубе, а позавчера стреляла. Так что несколько дней передышки мне не помешают. А побегать я побегаю.

Осторожно, чтобы не разбудить тетушку, я вышла из дома. Сегодня я решила, что моя пробежка состоится в Городском парке – давно я там не была. Обычно я меняю свой утренний маршрут, что связано с привычкой проявлять особую осторожность, учитывая специфику моей работы.

В Горпарке в этот ранний час было безлюдно. Я пробежала по центральной аллее, потом свернула в сторону, миновала мостик, затем пруд с лебедями, снова вышла на главную парковую «улицу». Когда я вернулась домой, тетушка уже хлопотала на кухне.

– Женя, ты и сегодня решила не изменять своим правилам? – спросила она меня. – Я имею в виду твой бег по кругу.

– Во-первых, я не всегда бегаю по кругу, а во-вторых...

– Да, что во-вторых?

– Тетя Мила, ну как ты успела приготовить все это?

Я показала на кухонный стол, уже заставленный тарелками и тарелочками. Посередине красовался круглый пирог, а рядом с ним – огромное блюдо с блинчиками, сложенными «конвертиками».

– Насколько я разбираюсь в кулинарии, испечь пирог за такое короткое время – это надо быть кулинаром экстракласса.

– Ты мне льстишь, Женечка, – смущенным и вместе с тем довольным тоном сказала тетушка. – Но это не пирог, а творожная запеканка с изюмом и курагой. А блинчики я сегодня решила начинить маком. Вот, садись и ешь.

Блинчики с маковой начинкой – это что-то новенькое. Еще ни разу я не пробовала такой вариант. Но как и все, что готовит моя тетя, они были безупречны. Я попросила ее почаще готовить именно маковые блинчики, на что тетушка с радостью ответила согласием.

Я прошла в свою комнату и начала собираться. Собственно, сумка с необходимым снаряжением у меня всегда была наготове: ведь никогда не знаешь, насколько срочно могут понадобиться мои услуги. Поэтому, чтобы не терять времени, боевую экипировку я всегда собирала заранее. Теперь осталось причесаться и нанести дневной макияж.

Я надела джинсы, футболку, взяла в руки сумку и ветровку и, чмокнув тетушку в щеку, вышла из квартиры. Спустившись по лестнице, я вышла из подъезда. Бабье лето было в самом разгаре. Уже с неделю стояла довольно жаркая погода, но не летняя изнуряющая жара, а вполне

комфортная. Листья на деревьях уже пожелтели, а кое-где и облетели. Но совсем скоро деревья полностью обнажатся, и, как сказал поэт, наступит «унылая пора, очей очарованье».

Я села в свой «Фольксваген» и поехала к Перегудникову.

Подъехав к дому номер пять по улице Жасминной, я поняла, что что-то случилось, потому что у ворот стояла полицейская машина, а около нее – мой знакомый оперативник Артур Кононенко, молодой парень примерно моего возраста, невысокий, но крепкий брюнет с серыми глазами.

– Артур, – позвала я его, – что здесь происходит? Или уже произошло?

– Уже произошло, – мрачно ответил он. – Совершенно нападение на хозяина коттеджа.

– Вот как? Он вчера звонил мне и просил о помощи.

– Он объяснил, в чем конкретно заключается причина его обращения к тебе, Женя? – спросил Кононенко.

– Нет, по существу, он ничего не сказал, хотя я и спрашивала его насчет угроз и попытки совершения покушения. Он только сказал, что это – не телефонный разговор и что он все объяснит при встрече. А встреча эта была назначена на сегодняшнее утро. Артур, а что все-таки случилось?

– Домработница Владислава Семеновича Перегудникова – владельца этого коттеджа – сегодня, придя утром в дом, обнаружила его лежащим без сознания в гостиной на первом этаже. Она сразу же вызвала «Скорую». А...

– Что сказали врачи? – перебила я Кононенко. – В каком состоянии Перегудников?

– В довольно тяжелом. У него сотрясение мозга, резаная рана, многочисленные ушибы.

– Чем была нанесена рана? Орудие нашли? Нож?

– Нет, не нашли, видимо, преступник забрал его с собой.

– А что сказали врачи? – спросила я.

– Пока ничего определенного. Они уже увезли его в больницу, сказали, что необходима срочная операция.

– Значит, без сознания... Стало быть, он ничего не мог рассказать: что и как, кто на него напал, – задумчиво произнесла я. – Какие у тебя есть версии? Ограбление?

– Возможно. В его кабинете, примыкающем к гостиной, находится сейф. Так вот, он был открыт.

– И конечно, пустой?

– Ну, естественно. Иначе зачем его было открывать? Чтобы все оставить?

– У Перегудникова есть родственники? – спросила я.

– Да, – ответил Кононенко, – родная сестра. Она уже здесь, ее вызвала домработница. Мы попросили сестру посмотреть, все ли на месте.

– Ну и как?

– Из дорогих вещей все осталось на своих местах. Ну, ювелирные украшения покойной супруги, столовое серебро, довольно обширная коллекция редких почтовых марок. Оказывается, Перегудников, по словам сестры, является страстным филателистом.

– А где находились все эти ценные вещи? – поинтересовалась я.

– Ювелирка – в старинном футляре-шкатулке в спальне. В кабинете, в отдельной секции, лежали марки. Столовое серебро, как водится, на кухне. Ну вот, собственно, и все.

– А что могло находиться в сейфе? Выяснили у сестры? Как, кстати, ее зовут?

– Зовут ее Тамара Семеновна Алешечкина, а что было в сейфе – она не знает.

«Значит, это тот самый Перегудников, о котором говорила тетушка, – подумала я. – Сходится и имя, и, соответственно, отчество. Ну, это и понятно, ведь они родные брат и сестра».

– Артур, а как преступник проник в дом? – спросила я.

– Элементарно, Женя: вскрыл замок отмычкой, причем отмычкой отменного качества, как показала экспертиза.

– Странно, что из дома ничего не исчезло, – сказала я. – Что же тогда преступнику было нужно?

– Ну, кое-что исчезло, – отметил Кононенко.

Я вопросительно посмотрела на него.

– В доме не оказалось ни ноутбука, ни мобильного, – ответил Артур на мой невысказанный вопрос.

– Может быть, просто не нашли? – предположила я.

– Женя, но ведь эти вещи – не иголка в стоге сена, – возразил он. – Зачем их прятать? Нет, их явно забрал преступник.

– Ладно, а что с охраной коттеджей? – спросила я.

– В поселке находятся тридцать четыре коттеджа. Поселок огорожен каменным забором высотой так, – Артур прикинул, – метра два с половиной.

– Камеры видеонаблюдения есть? – спросила я.

– А как же!

– То есть запись ведется.

Кононенко утвердительно кивнул.

– В поселок имеется только один въезд, – продолжал оперативник, – в будке круглосуточно находится охранник. Он утверждает, что посторонних на территории поселка за последние двое суток не было. Да и за ограждением никто подозрительный замечен не был.

– Интересно, как это охранник мог определить, есть кто за забором или нет? Надо бы проверить видеозапись, – сказала я.

– Уже проверили, – ответил Артур. – Правда, по-быстрому посмотрели, но охранник не соврал.

– Что же тогда выходит? Если здесь настолько крутая охрана, что через забор не перемахнешь, а если и получится, то сразу на мониторах засветишься, значит, преступник из числа местных? То есть, надо полагать, что это житель поселка?

– Не исключено, – ответил Артур.

– А какие отношения были у Перегудникова с соседями? – спросила я.

– Ну, Женя, мы здесь всего-то несколько часов, а ты хочешь, чтобы уже был готов опрос соседей. Так не бывает, – резонно заметил Артур, – хотя Михаил уже этим занялся. Соседи, которые проживают непосредственно рядом с Перегудниковым, были опрошены в первую очередь – они заявили, что ничего экстраординарного не заметили. Это касается как коттеджа потерпевшего, так и поселка в целом.

– Артур, можно тебя? – спросил подошедший блондинистый парень.

– Ну что, Олег? Что-нибудь прояснилось? – спросил его Кононенко.

– Отпечатки сняли, – парень пожал плечами, – теперь их пробивают по базе, в общем, действовали как всегда.

– А следы обуви?

– С этим сложнее, давай отойдем, – Олег покосился на меня.

– Женя, извини, – сказал Артур и пошел за Олегом.

Я решила пройти в дом и поговорить с сестрой Перегудникова: надо было выяснить, как быть дальше. В смысле, необходимости моих услуг. Перед тем как войти внутрь, я окинула взглядом дом и участок в целом. Участок был ухоженный, с разросшимися плодовыми деревьями и аккуратно подстриженными кустарниками. Дорожки, посыпанные гравием, вели к большой клумбе с цветами, находившейся в центре перед домом. Сам коттедж представлял собой одноэтажное каменное строение, но с застекленной верандой. Еще одной отличительной деталью были «французские» окна от пола до потолка, закругленные сверху. Неподалеку от дома находился гараж.

Я вошла в дом и еще от порога слышала женские голоса.

– Ой, Тamarочка Семеновна, – всхлипывала одна из говоривших, – ой, что же теперь будет с Владиславом Семеновичем?

– Успокойтесь, пожалуйста, Зинаида Александровна. – Интонации другой женщины были довольно спокойные и уверенные. – Его увезли в больницу, там сделают все, что надо. Я вам сейчас воды принесу.

Послышались шаги, видимо, Тамара Семеновна направлялась на кухню. Дверь из комнаты, в которой находились женщины, раскрылась, и на пороге показалась средних лет темно-волосая худощавая женщина.

– Здравствуйте, – сказала я, – вчера Владислав Семенович звонил мне, и мы договорились, что сегодня утром я к нему приеду. Я – телохранитель, – пояснила я, – меня зовут Евгения Охотникова.

– А его увезли в больницу, – расстроенно сообщила Алешечкина, – я – сестра Владислава Семеновича, Тамара Семеновна. Кто-то ночью на него напал. Видите, как все получилось.

– Мне очень жаль, – произнесла я, – возможно, если бы я приехала вчера вечером, то ничего бы не случилось. Однако Владислав Семенович был уверен, что на ночь глядя мне приезжать не стоит. В какой-то степени я чувствую ответственность за то, что произошло. Наверное, мне нужно было все-таки приехать. Он вам ничего не говорил по поводу того, зачем ему требовался телохранитель? По телефону он не хотел обсуждать этот вопрос. Но может быть, он кого-то или чего-то опасался?

Алешечкина немного прошла по коридору и открыла дверь на кухню:

– Проходите, Евгения. Не знаю даже, как и сказать, – проговорила она, наливая в стакан воду из кувшина, – вроде бы ничего такого не было. Ну, писем с угрозами, телефонных звонков. Но я чувствовала, что в воздухе что-то витает. Тревога, напряжение какое-то. Да, действительно, как будто что-то должно было случиться. Вы знаете, у нас с братом довольно значительная разница в возрасте, он все время меня опекал, еще с детских лет. Ну а потом, когда я вышла замуж и родились дочки-близняшки, Владислав радовался безмерно. У них-то с женой своих детей не было. Это я все к тому говорю, что у нас с братом очень тесная эмоциональная связь. Конечно, я ощущала какое-то неблагополучие, но Владислав по натуре очень скрытный человек. Сколько я его ни расспрашивала, он все отнекивался и ничего, по существу, не говорил. Наверное, не хотел меня расстраивать.

– Да, – как будто что-то вспомнив, сказала Тамара Семеновна, – не так давно Владислав обронил такую фразу: «Не надо было делать добра, тогда не получил бы зла».

– А что это могло обозначать? – спросила я. – Вы не уточнили?

– Владислав не захотел продолжать этот разговор, он был расстроен, даже подавлен. А я не стала настаивать, потому что знала, что если брат не захочет говорить, то ничто и никто его не заставит. Просто это было так не похоже на него: он всегда отличался добротой и отзывчивостью. – Тут голос Алешечкиной несколько дрогнул. – Мои девочки недавно приезжали из Канады, они там работают по контракту, – пояснила она, – они там хорошо устроились, Владислав помог, у него знакомый оказался в клинике в Торонто.

Она помолчала.

– Тамара Семеновна, – сказала я, прервав паузу, – тогда я, пожалуй, пойду. Как я понимаю, пока Владислав Семенович находится в больнице, ему ничто не угрожает. Так что...

– Евгения, подождите, не уходите, – взволнованно проговорила Алешечкина, – ведь проблема так и осталась нерешенной. Я имею в виду, что тот, кто напал на брата, может повторить попытку. Вы – телохранитель, я понимаю, но... Не могли бы вы найти того, кто это сделал?

Она умоляюще посмотрела на меня. Вообще-то она была права: преступник наверняка попытается довести свое черное дело до конца. Возможно, что в этот раз кто-то или что-то помешало ему исполнить свой замысел, тогда новая попытка – это только дело времени. Обычно я, приступая к обязанностям телохранителя, выясняю все детали, которые заставили

моих клиентов прибегнуть к моей помощи. Тогда, вычислив злоумышленника, я одновременно и ликвидирую опасность, которая угрожает объекту охраны.

– Евгения, – снова обратилась ко мне сестра Перегудникова, – я вам заплачу, сколько скажете. У меня есть деньги, да и брат постоянно помогает. Ведь у него, кроме нас, никого больше нет. Жена Владислава, Альбина, умерла несколько лет назад. Владислав вышел на пенсию, но занимается частной практикой.

«Психиатр на пенсии имеет, надо полагать, обширную частную практику. А это что означает? А то, что он пользуется алкоголиков и наркоманов. А это такой контингент, который тесно примыкает к криминалу. Возможно, что доктор стал обладателем какой-то информации, которая не предназначалась для его ушей. Это – как вариант. Хотя этих вариантов может быть не один и не два».

– Хорошо, Тамара Семеновна, я согласна, – кивнула я. – Скажите, в доме была крупная сумма денег? Это я к тому, что злоумышленник мог знать об этом и заявиться сюда. А Владислав Семенович попался на его пути в самый неподходящий момент.

– В сейфе было восемь тысяч долларов, – ответила Алешечкина.

– И они исчезли, – констатировала я.

– Ну да, вместе с документами, – подтвердила Тамара Семеновна.

– А кто мог знать о деньгах? – спросила я.

– Да я не знаю, – растерянно произнесла женщина. – Вы хотите сказать, что кто-то навел преступника?

– Не обязательно. Если злоумышленник дружит с головой, ему достаточно и намек, чтобы сделать выводы и определить, в какой дом стоит залезть, чтобы уж наверняка чем-то поживиться.

– Но, Женя... простите, Евгения... – начала она.

– Ничего, можно просто Женя.

– Так вот. В поселке живут далеко не бедные люди. Сами понимаете, содержать такие коттеджи, да еще и круглосуточную охрану – это недешевое удовольствие.

– Понимаю, Тамара Семеновна, – сказала я. – Только ведь и богатые люди тоже разнятся между собой. У вашего брата такая актуальная профессия, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что деньги у человека имеются. И немалые. С вами могли затеять совершенно безобидный разговор и между делом получить всю интересующую информацию.

– Но я ничего...

– Ладно, предположим, с вами все понятно. А вот могла ли проговориться насчет финансового состояния Владислава Семеновича домработница?

– Зинаида?! Да вы что, Женя! Она верой и правдой служит уже лет двадцать. Еще с тех пор, как Ростислав с Альбиной жили в городской квартире.

– Я и не утверждаю, что она все выболтала сама. Но ведь у нее могли спросить, сколько ей платит ваш брат. Она не усмотрела в этом вопросе ничего подозрительного и сообщила. А тот, кто спрашивал, сделал свои выводы. Кстати, это ведь она обнаружила вашего брата лежащим без сознания?

– Да, она. Ах, я ведь ей воды собралась отнести. Пойдемте, Женя, в гостиную.

В гостиной царил беспорядок. Красивая, цвета морской волны штора из тюля, которая удачно гармонировала с обоями, была разорвана и свисала с карниза. Рядом валялась опрокинутая напольная ваза. Из книжного шкафа были выброшены почти все книги и свалены в кучу перед диваном, на котором, обхватив руками голову и раскачиваясь, сидела пожилая женщина с заплаканным лицом.

– Зинаида Александровна, – обратилась к ней Алешечкина, – вот, выпейте воды.

Она подала ей стакан. Домработница оторвала руки от головы, взяла стакан и начала пить маленькими глотками.

– Спасибо, Тамара Семеновна, – сказала она, возвращая стакан. – Ой, как подумаю, что, приди я хоть чуточку пораньше, Владислав Семенович так не пострадал бы...

– Так ведь и вам тогда досталось бы, – произнесла я.

Домработница внимательно посмотрела на меня.

– А я, милая девушка, с радостью согласилась бы поменяться местами с Владиславом Семеновичем. За все добро, которое он сделал нашей семье. Шутка ли сказать, сына моего от наркомании вылечил, вернул к нормальной жизни. Да, – она махнула рукой, – чего там говорить... Тамара Семеновна, я могу начать здесь убираться?

– Думаю, что можете, – ответила ей Алешечкина, – отпечатки уже сняли, так что...

Домработница кивнула:

– Пойду за тряпкой и ведром.

Она вышла из гостиной, закрыв за собой дверь.

– Тамара Семеновна, ваш брат водит машину? – спросила я Алешечкину.

– Нет, у Владислава есть водитель, Владимир Канареечников, – ответила она.

В это время дверь открылась и в комнату вошел мужчина лет сорока с небольшим. Он отличался военной выправкой и высоким ростом.

– А вот и он, – сказала сестра Перегудникова. – Это Владимир, шофер Владислава.

– Тамара Семеновна, – возбужденным тоном начал Владимир, – что произошло? Мне позвонила Зинаида, но толком ничего не объяснила, только сплошные слезы, охи и ахи. Говорит, что Владислава Семеновича зарезали! Она что, умом тронулась?

Он обвел взглядом гостиную.

– А это еще что такое? – с недоумением спросил он.

– Проходи, Володя, – сказала Алешечкина. – Сегодня рано утром на Владислава Семеновича было совершено покушение, сейчас он в больнице. Преступник вскрыл сейф, забрал деньги, документы, а также ноутбук и мобильник.

– Ничего себе... – ошарашенно проговорил Владимир.

– Володя, это Евгения, – представила она меня. – Владислав Семенович накануне пригласил Женю в качестве телохранителя. Я же, в связи с новыми обстоятельствами, попросила ее заняться поисками преступника: ведь не исключено, что подобное может повториться.

– Да я... Да я сам могу быть телохранителем для Владислава Семеновича! – воскликнул Владимир и окинул меня недовольным взглядом, словно хотел сказать: «Это она-то телохранитель?!»

Но я уже привыкла к таким взглядам, особенно мужским. Почему-то считается, что молодая привлекательная девушка годится лишь для эскорта, но уж никак не в качестве телохранителя.

– Владимир, возможно, Евгении необходимо будет уточнить у тебя какие-то моменты, связанные с Владиславом. Пожалуйста, расскажи ей все, что тебе известно, – вежливо, но твердо попросила Алешечкина.

– Как скажете, – корректно ответил водитель.

По тону его голоса было понятно, как ему не понравилась эта идея.

– Владимир, где мы можем поговорить? – Я решила сразу же, не теряя времени, брать быка за рога.

– Проходите в кабинет, – предложила Тамара Семеновна. – Правда, там тоже беспорядок.

– Как скажете, – вновь повторил мужчина.

Кабинет был небольшой, но уютный, хотя и здесь преступник непонятно зачем вытащил из книжного шкафа почти все книги и разбросал их по полу. Еще здесь стоял письменный стол, два кресла и мягкий кожаный диван, а перед ним – пушистый ковер. Я села на диван, Владимир устроился в кресле.

– Скажите, Владимир, Владиславу Семеновичу кто-нибудь угрожал?

Водитель промолчал. Он смотрел в какую-то точку на стене.

– Я уже говорила на эту тему с Тамарой Семеновной, она ничего определенного на этот счет сказать не могла, но отметила, что в последнее время ее брат был чем-то встревожен, – продолжала я. – Вчера по телефону я тоже задала Владиславу Семеновичу этот вопрос, но он попросил отложить разговор до нашей встречи. Но видите, что получилось... Поэтому я и спрашиваю: чего мог опасаться Перегудников?

Владимир тяжело вздохнул.

– Будь мне это известно, на Владислава Семеновича никто бы не напал, – ответил он и наконец посмотрел мне в глаза.

– Но, судя по его поведению, вы могли предположить что-то?

– Ну что я мог предположить? – пожал плечами мужчина. – Владислав Семенович в последнее время действительно ходил сам не свой, был не то чтобы встревожен, как вы сказали, а больше озабочен. Я, конечно, расспрашивал его, что случилось.

– А он?

– А он только отмалчивался. Потом сказал, что это касается только его лично и что он не хочет впутывать в это дело кого-то еще. Спустя некоторое время я снова стал его расспрашивать, но он окончательно замкнулся и больше не проронил ни слова на эту тему.

– Понятно, – кивнула я. – Скажите, а как давно вы знаете Перегудникова?

– Да почти всю жизнь! – воскликнул Владимир. – Мы с родителями жили в соседнем доме. До шести лет я рос, как все. Играл, гулял во дворе, помогал маме мыть посуду, накрывал на стол. Отец научил меня чистить картошку, так что и я принимал посильное участие в приготовлении обеда. Все было нормально. А потом... Я пережил настоящее потрясение. Это произошло, когда у нас поселились родственники: сестра отца с сыном. Он был старше меня на пять лет. Мама сказала мне, что тетя Наташа и Леня вынуждены были уйти от своего очень злого папы, что жить им, кроме как у нас, больше нигде. Так они у нас и остались. Я хотя и был у родителей единственным ребенком, но эгоистом меня нельзя было назвать. Мама с папой приучили меня делиться, поэтому, если кто-то во дворе угощал меня чем-то вкусным, я обязательно хоть по кусочку оставлял родителям. А с приездом родственников все изменилось. Я понимал, почему мама отдала свой костюм тете Наташе, а папа купил Лёне новый школьный рюкзак (а я донашивал старый), они ведь были бедные, как объяснила мама. Тетя Наташа немного помогала маме с уборкой в свободное от работы время. Но она никогда не готовила обеды и ужины на всех: только для себя и Лени. Вот это обстоятельство вызывало у меня ощущение чего-то неправильного, чувство семьи, уюта как будто куда-то испарилось. А однажды я увидел, как Леня полез в хозяйственную сумку, которая лежала на тумбочке на кухне, и, вытащив оттуда конфету, съел ее. Я тогда тоже подошел к сумке и достал конфетку. Леня увидел и начал кричать: «Ты чего это по чужим сумкам лазиешь?» Он отобрал у меня конфету, схватил сумку и начал ею хлестать меня по лицу. А потом еще и моей маме сообщил, что надавал мне по морде, потому что я залез в сумку, в которой его мама держит конфеты и печенье специально для него. Представляете? А моя мама как-то растерялась и ничего не сказала. Не сказала, что это неправильно. А я даже не заплакал, хотя до сих пор меня никто не бил по-настоящему, так, были легкие шлепки. А чтобы по лицу... И я перестал что-либо понимать, кроме того, что Леня ест конфеты и печенье сам, а его мама держит сладости только для него одного. Все мои прежние представления перевернулись вверх дном. С тех пор меня как будто подменили.

Владимир замолчал. Я не торопила его, хотя до главного – того, о чем я хотела его спросить, – мы еще не добрались. По нему было видно, насколько глубока была детская травма.

– Владислав Семенович тогда работал в больнице, – продолжил Владимир, – а к ним в гости приходили дочери Тамары Семеновны, и мы все вместе играли во дворе. Так вот, он заметил, что со мной что-то творится. Я ведь вел себя все хуже и хуже, совсем от рук отбился, родители уже и не знали, что со мной делать. Как будто тормоза отказали, я стал тем, кого

называют трудным ребенком. Мне все время надо было куда-то залезть, что-то потрогать и обязательно испортить. Помню, я порвал мамин шелковый шарф, порезал красивые открытки. Мама так плакала, а я стоял как бесчувственный. Когда в школу пошел, то тоже продолжал делать пакости, а зачем, и сам не понимал. Мать водила меня к психологам, но все бесполезно. А вот Владислав Семенович мне помог. Постепенно вылечил мою психологическую травму. Как будто бы я долго спал, видел плохой сон, а потом проснулся. А ведь страшно представить, что было бы со мной, если бы не Владислав Семенович. Я ведь и воровать уже начал, брал все, что плохо лежит. Мама билась со мной как рыба об лед, а мне было хоть бы что... Даже не хочу и думать, до чего бы я дошел, если бы не Владислав Семенович.

– Я вас поняла, Владимир, – сказала я, выслушав его исповедь, – но давайте теперь подумаем о мотивах, которые возникли у преступника. Полагаю, что Перегудников помимо стационара занимался и частной практикой. Это позволило ему оказывать материальную помощь сестре и племянницам, купить коттедж. Тамара Семеновна сказала, что ее брат как опытный врач и профессионал очень высокого класса и сейчас ведет частных пациентов.

– Да, это так, – подтвердил Владимир.

– Так вот о чем я подумала в первую очередь: Владислава Семеновича приглашает на дом состоятельный пациент для того, чтобы он помог ему или его родственникам выйти, предположим, из запоя или преодолеть наркотическую ломку. Заметьте, приглашает на дом, а не обращается в больницу. Зачем? Для того, чтобы сохранить все в тайне. И вдруг возникает такая ситуация, что объявляется шантажист и начинает вымогать деньги, иначе, говорит, о пристрастии к наркотикам или алкоголю узнают все. Тогда пациент начинает думать, что шантажист – именно Владислав Семенович. Ведь кто, кроме него, мог еще знать о пагубной привычке?

– Да вы что?! – вскричал Канареечников, – Что вы такое говорите-то? Да Владислав Семенович – честнейший человек! Он сроду никого не закладывал! Как вы могли так подумать?

– Успокойтесь, Владимир, – сказала я. – Просто вы знаете Перегудникова с детства, поэтому у вас и не возникает никаких сомнений относительно его честности. А богатый пациент получил телефон доктора, возможно, от какого-то своего знакомого, он ведь Перегудникова и знать не знает. И когда начинаются телефонные звонки с требованием платы за молчание, на кого в первую очередь подумает пациент? Кроме того, еще один красноречивый факт в пользу этой версии: преступник забрал ноутбук и мобильник, то есть устройства, на которые записывается информация.

– Но Владислав Семенович не имел обыкновения делать записи своих сеансов с пациентами, – возразил Владимир.

– Никто, кроме вас, об этом его принципе не знает.

– Когда Владислав Семенович занимается больными у себя на дому, вот здесь, – Владимир обвел рукой кабинет, – то сопровождающие находятся в гостиной. И они могут услышать все разговоры, которые ведутся в кабинете.

– Разве содержание сеанса не является конфиденциальной информацией? – усомнилась я.

– Ну, иногда родственники настаивают на этом. Не все, правда. А Владиславу Семеновичу нечего скрывать! – с некоторым вызовом добавил он.

– Хорошо, но ведь тот факт, что преступник взял ноутбук и сотовый, говорит о том, что он-то как раз и не знал, как проводятся сеансы. Он, скорее всего, основывался на том предположении, что доктор записывает свои беседы с пациентами на диктофон или на мобильник. Возможно, что в сейфе он искал флешки. А попутно прихватил и доллары.

– В ноутбуке нет никакой секретной информации, – устало произнес Канареечников. – Владислав Семенович использовал его в основном для ознакомления с новинками по психотерапии.

– Повторяю, такие подробности известны только вам, Владимир. Откуда их знать преступнику? – гнула я свою линию.

Канареечников ничего не ответил, мне показалось, что он о чем-то размышляет. Как будто бы хочет что-то мне сказать, но не решается.

– Ладно, – вдруг произнес водитель Перегудникова, – скажу вам. Я поставил в доме скрытые камеры наблюдения. Я подумал так: не хочет Владислав Семенович говорить о том, что происходит, – не надо. Я и сам могу все выяснить. Ну, так вот, купил я три камеры. Одну камеру поставил здесь, в кабинете, другую – в гостиной, ну а третью – в холле, при входе.

– Давайте посмотрим, – предложила я. – У вас есть какие-нибудь предположения насчет того, кто мог напасть на доктора?

Канареечников отрицательно покачал головой.

– А я вот думаю, что преступник был из местных, ну, из числа жителей поселка, – поделилась я с ним своими соображениями. – Ведь поселок круглосуточно охраняется. Около единственного въезда дежурит охранник, и, по его словам, никого из посторонних на территории поселка за последние двое суток не было. Видеозапись подтвердила его слова.

Владимир скептически поджал губы:

– Если это был местный, то зачем ему было устраивать за нами слежку в городе?

– А вот с этого момента поподробнее, пожалуйста, – попросила я. – Кто за вами следил, когда это было?

– Ну, а что подробно-то? За машиной следили, это точно. Как минимум раза три я видел, как поодаль следует черный «Ниссан». Я запомнил номер, а потом попросил знакомого пробить по базе в ГИБДД.

– Ну и что?

– Да фигня какая-то получилась: номера такого не существует!

– Фальшивый, значит.

– Выходит, что так.

– А Владиславу Семеновичу вы сообщили, что за вами следят? – спросила я.

– Конечно. Сразу же, как только первый раз хвост засек.

– А как он отреагировал на это известие?

– Да никак.

– Что, совсем никак? – удивилась я.

– Он просто промолчал. Во всяком случае, своего мнения не высказал. Мне показалось даже, что он и не удивился тому, что за ним следят.

– Вот как?

– Да. Он даже не выглядел испуганным. А вот расстроенным – это да.

– Значит, он наверняка знал того или тех, кто за ним следит. А Тамаре Семеновне он тоже ничего не сказал?

– Насколько мне известно – нет, не сказал. Я же говорю, он решил, что не будет посвящать в это дело близких.

– Если остановиться на версии, что преступник – один из жителей поселка, то единственное объяснение слежки в городе – это то, что он хотел удостовериться, что доктор пошел в банк за деньгами или за содержимым банковской ячейки. Но подобное возможно лишь в том случае, если у преступника имелся только денежный интерес, а не информационный. Что вы думаете по этому поводу, Владимир?

– Владислав Семенович не имел никаких дел с банками, – уверенно проговорил Канареечников. – Когда была жива его супруга Альбина Георгиевна, всеми финансовыми вопросами занималась она, сейчас покупкой продуктов, а также оплатой счетов ведает Зинаида. Деньги хранятся здесь, дома.

– Ну вот, видите. То, что вы рассказали, говорит в пользу версии о том, что преступник искал информацию.

– Как это? – недоуменно спросил Владимир.

– Смотрите. Преступник очистил сейф, но ведь в коттедже было много других ценных вещей. А он их оставил. Почему? Потому что драгоценности его не интересовали. Точнее, интересовали, но не в первую очередь. Тогда на первый план снова выступает опасная для кого-то информация, которая, возможно, случайно или не случайно стала известна Перегудникову. И попала она в руки доктору, надо полагать, не так давно. Вы когда заметили слежку?

– Наверное, дней десять назад, самое большее – две недели. Да, пожалуй, не так давно, – согласился Канареечников.

– Вот видите. Значит, кто-то желал проследить за всеми контактами Владислава Семеновича: с кем он разговаривал, с кем встречался в городе. Возможно, преступник счел необходимым лично побеседовать с доктором и пришел сюда... Я вот еще о чем подумала. Пусть Владислав Семенович и не хотел беспокоить родных своими проблемами, а собирался их решить сам, но ведь он не мог не понимать, что существует серьезная опасность и что для страховки на всякий случай необходимо оставить какую-нибудь записку на этот счет. Должны же, в конце концов, родственники узнать, в чем, собственно, дело.

– Но ведь в сейфе ничего такого не было, – растерянно произнес Владимир.

– Так он и не стал бы оставлять письмо или записку в сейфе. Он ведь понимал, что преступник первым делом полезет туда. Скажите, в коттедже есть другие места, кроме сейфа, куда можно что-то спрятать? Тайники, я имею в виду.

– Какие тайники? – Владимир непонимающе посмотрел на меня.

– Ну, ведь не у всех же в домах имеются сейфы! А люди постоянно что-то прячут: то от детей – в основном это сладости, – то друг от друга. Муж, например, от жены прячет записку, – пояснила я.

– А-а, вот вы о чем, – протянул Канареечников. – Ну, у Перегудниковых таких ситуаций не наблюдалось. Детей у них не было, а от Альбины Георгиевны Владислав Семенович никогда ничего не занюхивал. Хотя... постойте, кажется, я понимаю, о каком потайном месте идет речь. Дело в том, что у Перегудниковых имеется старинный туалетный столик из орехового дерева. Этот столик принадлежал бабушке Альбины Георгиевны. Так вот, в нем было двойное дно: просто выдвигалась крышка и образовывался небольшой ящик, куда можно было положить все что угодно. Альбина Георгиевна как-то раз рассказала мне, что в этом тайнике ее бабушка хранила письма от своего жениха, который потом стал ее мужем. Да! Я вспомнил, что когда племянницы Владислава Семеновича, ну, дочери его сестры Тамары Семеновны, приезжали к Перегудниковым погостить, то действительно от них в этот ящичек прятали сладкое. В детстве они были такими сладкоежками, что в считанные минуты могли умять все конфеты.

– Этот столик сохранился? – спросила я.

– Да, как семейная реликвия, – ответил Канареечников.

– Где он сейчас находится?

– В спальне. Туда его определила Альбина Георгиевна, когда они стали здесь жить. Ну, а после ее смерти Владислав Семенович ничего не стал менять.

– Давайте пойдем и посмотрим, – предложила я. – Ведь если Владислав Семенович воспринимал ящичек столика как тайник, то он мог оставить там что-то, что пролило бы свет на его проблемы. Ну, если и не подробное письмо, то, по крайней мере, хотя бы записку.

– Пойдемте, – согласился со мной водитель Перегудникова.

Мы прошли в спальню. Столик, о котором говорил Владимир, стоял у стены, напротив окна, немного поодаль от большой двуспальной кровати. Канареечников выдвинул ящичек и, вытащив оттуда сверток, перевязанный розовой атласной ленточкой, передал его мне.

– Ну что же, – сказала я, – давайте поглядим.

Я аккуратно развязала ленточку и развернула пожелтевший плотный лист бумаги. Там была стопка писем, тоже желтых от времени. Это, как и предполагал Владимир, были романтические письма жениха невесте. Я мельком взглянула на некоторые из них. В русский текст, по моде того времени, вклинивались французские слова. Но того, на что я так надеялась – письменного объяснения Перегудникова, – в тайнике не оказалось. Я аккуратно сложила письма и так же перевязала их ленточкой.

– Что ж, остается посмотреть запись, – произнесла я и передала Владимиру сверток с письмами.

Он положил его на место, и мы вернулись в гостиную.

Сначала на мониторе появились кадры повседневной жизни Владислава Семеновича. Ничего особенного. Потом наконец дошла очередь до того момента, когда атлетически сложенный мужчина в темном костюме, перчатках и балаклаве открыл дверь и прошел в гостиную. Обследовав комнату, он направился в спальню.

К сожалению, звукозапись подкачала, поэтому разобрать практически ничего было невозможно. Был слышен только едва различимый шепот. Но вот мужчина отошел от Перегудникова, который остался лежать неподвижно, потому что преступник основательно несколько раз приложил его головой о стену, а напоследок ткнул ножом и снова возвратился в гостиную. Здесь он и учинил весь тот разгром, который я увидела, когда вошла.

Дальше камера запечатлела преступника, когда он из гостиной перешел в кабинет и открыл сейф. Вот он вынул оттуда пачки денег, швырнул их в заранее приготовленную сумку, а затем опустил в нее же ноутбук и мобильник. Потом он начал выхватывать из шкафа книги и кидать их на пол. Сделав свое дело, он покинул коттедж.

– Вот черт! – Владимир с досадой стукнул кулаком по столу. – Ничего не удалось услышать.

– Я думаю, специалисты из оперативного отдела смогут что-нибудь сделать со звуком, – сказала я.

– Вы так думаете? – с сомнением спросил Канареечников.

– Во всяком случае, надо попытаться. А вдруг удастся услышать хоть что-то, что даст ключ к разгадке всей этой истории?

Канареечников только покачал головой. В это время в гостиную вошла Тамара Семеновна.

– Я вас оставлю, а сама поеду в больницу к Владиславу, – сообщила она.

– Я с вами, Тамара Семеновна, – сказала я и поднялась с кресла.

– В какую больницу увезли Владислава Семеновича? – спросил Владимир.

– В железнодорожную, – ответила Алешечкина.

– Я только отвезу видеозапись и тоже подъеду к нему, – пообещал водитель Перегудникова.

– Владимир, у меня к вам просьба. Напишите, пожалуйста, как зовут ближайших соседей Владислава Семеновича. Вообще-то мне желательно иметь о них как можно более подробные сведения: какого они возраста, чем занимаются в настоящее время или чем занимались, ну, и тому подобное. Я хочу побеседовать с каждым, вдруг обнаружится какая-нибудь зацепка, – объяснила я свою просьбу...

– Хорошо, я напишу, – пообещал Владимир.

Мы с Тамарой Семеновной вышли из коттеджа и сели в мой «Фольксваген». По дороге в больницу я стала «раскладывать по полочкам» то, что я сегодня услышала и увидела в коттедже. Получается, что преступник ждал того момента, когда в доме не будет ни домработницы, ни водителя. Когда Перегудников останется совсем один, чтобы можно было проникнуть в коттедж. Это во-первых. Во-вторых, если предположить, что преступник является жителем поселка, то получается, что он – один из соседей Перегудникова. Ну, может быть, и не бли-

жайший, но сосед. Хотя те, кто проживает в поселке, так или иначе приходится друг другу соседями. Теперь дальше. Какие отношения с соседями были у Перегудникова? Если следовать характеристике, которую дала своему брату Тамара Семеновна – добрый, отзывчивый, – то отношения должны быть добрососедские. О доброте доктора также говорила и его домработница Зинаида. Да и по словам Канареечника, доктор – честный и порядочный человек.

Но ведь и у такого идеального человека могли возникнуть какие-никакие трения с соседями. Возможно, что он и не ссорился с ними в открытую. Или же с одними соседями он ладил, а с другими имела место напряженка. Тогда, если предположить, что нападение является делом рук такого соседа, то... Ведь дверь в коттедж открыта профессиональной отмычкой, опять же, надо уметь ею пользоваться. Хотя добыть сейчас отмычки, даже и профессиональные, – это не проблема.

Далее вызывает вопрос ножевое ранение. Оно не роковое, то есть не смертельное. А ведь преступник – высокий, сильный и далеко не пенсионного возраста – запросто мог бы расправиться с Перегудниковым. Почему доктора оставили в живых? Только потому, что преступник взял из сейфа то, что искал? Но ведь он наверняка этого не знал: он же ничего не просматривал, только покидал все в сумку и ушел. Не хотел идти на мокрое дело? Вряд ли он обладал огромным запасом человеколюбия.

Преступник взял ноутбук, мобильник, валюту, возможно, еще какие-то документы. Можно это квалифицировать как ограбление? До известной степени – да, это ограбление. Но ограбление какое-то непонятное. Почему преступник ограничился только ноутбуком, мобильником и документами, которые находились в сейфе? Ведь на самом, можно сказать, виду лежали ценные вещи: ювелирные украшения, столовое серебро, редкая коллекция марок. Ладно, пусть марки не в счет: преступника, если он не является филателистом и ничего в них не понимает, марки могли и не заинтересовать.

С другой стороны, ювелирные украшения не так-то просто сбыть с рук, запросто можно на этом погореть. С деньгами же все очень просто, они, помимо того что не пахнут, еще и примет особых не имеют, если, конечно, немеченые. Кроме того, не исключено, что и в ноутбуке, и в мобильнике находились ПИН-коды банковских счетов. Ведь, надо полагать, те деньги, которые лежали в сейфе, были далеко не последними.

Скорее всего, преступнику прежде всего нужны были все-таки деньги. К тому же он явно не был опытным преступником, потому что оставил доктора в живых, хотя и действовал ножом. Закоренелый урка точно бы знал, куда надо нанести удар, чтобы уж наверняка. Так вот, преступник вынудил Перегудникова сообщить ему код сейфа, затем пырнул его ножом – ведь доктор мог попытаться помешать ему осуществить задуманное, – а потом, опустошив сейф, устроил беспорядок и ушел.

Кстати, а зачем ему потребовалось выбрасывать книги из шкафов, рвать штору, сбивать вазу? Наверное, таким образом он хотел замести следы. В самом деле, когда все вещи находятся на своих местах – это одно, а когда кругом беспорядок, то гораздо труднее отыскать отпечатки пальцев, даже если преступник их и оставил. Он явно весьма не глуп, хотя может и не быть профессионалом. Но то, что действовал он не с бухты-барахты, а как минимум все просчитал и хорошо подготовился, – это факт.

Время для совершения преступления – раннее утро – тоже, как мне представляется, выбрано не случайно. Преступник знал, что домработницы и водителя в коттедже еще нет, стало быть, Перегудников находится дома один. Этот факт является еще одним доводом в пользу версии о том, что преступник живет в поселке. Или... В принципе, им мог быть и не житель поселка, но тот, кто был вхож туда. Например, кто-то из гостей проживающих здесь людей. Этот гость заранее прикрепил скрытую камеру наблюдения – наподобие той, которую установил Владимир Канареечников в коттедже Перегудникова. Сам же преступник спрятался где-нибудь в укромном местечке и поджидал того момента, когда коттедж покинут домработ-

ница и водитель и доктор останется совсем один. Да, но каким же образом ему удалось проникнуть на территорию поселка?

Я так и не нашла ответа на этот вопрос. Но мы уже почти подъехали к железнодорожной клинической больнице.

К справочному окну хирургического отделения выстроилась очередь из четырех человек. Но дежурная – толстая женщина неопределенного возраста с вытравленными волосами, забранными в конский хвост, – не обращая внимания на стоявших перед ней людей, самозабвенно говорила по телефону.

– Да ты что? – удивленно восклицала она. – Неужели не знаешь? Ну, как же так? Ты что же, совсем за ним не следишь, что ли? Бросила на произвол судьбы! Ага! Так я тебе и поверила! Не знаешь, какой консистенции у него стул, ну вообще! Ах, у него совсем нет стула? А с аппетитом как? Никак? Тоже нет? То есть он совсем, что ли, у тебя ничего не ест? И даже «Вискас» не ест? И от «Китикета» нос воротит?

Стоявшая перед самым окном женщина лет пятидесяти несколько раз кашлянула, наверное, для того, чтобы таким деликатным способом дать понять дежурной, что той наконец пора вспомнить о своих должностных обязанностях.

Дежурная зверем посмотрела на нее и неприязненно выдала:

– Вы что, не видите, что я занята? Не можете подождать, что ли? Это я не тебе, – сказала она своей собеседнице.

Очередь возмущенно зароптала. Дежурная демонстративно отвернулась и как ни в чем не бывало продолжила болтовню:

– Кому, спрашиваешь? Да вот некоторым тут очень не терпится! Так ты говоришь, что он и сырой фарш не хочет есть? А ты пробовала давать, да? Понимаю. Слушай, а ты попробуй дать тресковое филе. Уже? Ну, это уже вообще... Так что же ты сидишь сложа руки? Как – что? Срочно вези к ветеринару! Ну, ладно, я сейчас не могу говорить. Потом тебе позвоню. Когда народ рассосется. Да. Нет, лучше ты мне. Расскажешь, что ветеринар сказал. Ну, все. Пока. Целую. И тебе тоже. И ты передавай. Ага. Жду.

Закончив прощаться, дежурная положила трубку и повернулась к очереди передом:

– Ну?

Стоявшая перед окном женщина, та, которая кашлем пыталась привлечь к себе внимание дежурной, немного замешкалась. Тогда дежурная издевательским тоном произнесла:

– Вы же так спешили! А теперь что? Язык проглотили? Чего молчите-то? Спрашивайте, что вам нужно!

– Я хотела... мне нужно узнать, в какой палате лежит мужчина... – Она замялась.

– Ну? – снова прокурорским тоном спросила дежурная. – Вы что, не знаете его фамилию?

– Да нет, знаю, конечно. Ларионов его фамилия, – почти шепотом сообщила женщина и смущенно затеребила край простенькой косынки, брошенной поверх скромного трикотажного костюма. – Ларионов Матвей Ярославович, – добавила она.

Дежурная начала листать журнал.

– Уже и на пенсию скоро, – пробормотала она, переворачивая страницы, – а все туда же: мужчинами, видите ли, интересуются!

– Слушайте, что вы хамите? – возмущенно спросила стоявшая позади женщина примерно такого же возраста. – Ваша-то какая печаль? Вы дать справку обязаны, вот и давайте!

Не обращая никакого внимания на ее слова, наглая тетка продолжала листать журнал:

– Ларионов, Ларионов... Что-то не вижу здесь такого. Он по «Скорой», что ли?

– Что, простите, вы спросили? – задала вопрос женщина в трикотажном костюме.

– Его «Скорая» привезла?

– Да, да, ему на улице плохо стало.

– Так бы сразу и сказали, что на «Скорой». – Дежурная отложила в сторону журнал и взяла другой.

– Вот, нашла, – сообщила она. – Больной Ларионов, вторая хирургия, десятая палата. Но сейчас вас к нему не пустят.

– Почему? – спросила женщина.

– А потому что к нему нет постоянного пропуска, так что после пяти часов приходите. А сейчас вас все равно не пустят, – повторила она.

– Скажите тогда, в каком он состоянии, – попросила женщина.

Дежурная с досадой посмотрела на нее и нехотя процедила:

– Состояние у вашего знакомого средней тяжести. Следующий!

Следующими по очереди были мы с Тамарой Семеновной. В это время у дежурной снова зазвонил телефон. Она радостно схватила трубку:

– Ой, это ты! Сколько лет... А что у тебя случилось?

Я было подумала, что речь снова пойдет о каком-то несчастном заболевшем животном, но на этот раз была другая тема:

– Ну, я же всегда говорила, что он у тебя – козел! А ты все не верила! Ну что? Теперь убедились? Мой тоже козел! Да все они козлы! А ты вот что сделай: перестань ему готовить! Ага, он сразу станет как шелковый! Уже проверено. А...

Тут тетка замолчала, потому что я придвинулась к самому окошку и стала в упор смотреть на дежурную. Еще в Ворошиловке преподаватели отмечали мои способности к гипнозу, поэтому результат не замедлил сказаться. Тетка отвела трубку от уха и нервно спросила:

– Девушка, вам чего?

– Хочу получить справку, – невинным тоном произнесла я. – Ведь это справочная, не так ли?

– А вы что, не можете подождать? Я разговариваю, вы что, не видите?

– Подождать я не могу, к сожалению, не захватила с собой теплых вещей, – все так же спокойно ответила я. – А ваш разговор как раз может до самой зимы затянуться.

– Какие все умные стали, – буркнула дежурная.

– Не все стали умными, – возразила я ей, – в этом-то и проблема.

– Кляша, я тебе перезвоню попозже, – сказала дежурная в трубку, – тут одна шибко умная заявила. Ну? – произнесла она свое ключевое слово.

– Больной Перегудников Владислав Семенович, поступил сегодня утром по «Скорой», – проговорила я на одном дыхании.

Дежурная снова начала листать журнал.

– Вам в первую хирургию, – наконец ответила она.

– А номер палаты? – спросила я.

– Он не в палате, а в реанимации. Восьмой этаж. Следующий!

– Идемте, Тамара Семеновна, – сказала я Алешечкиной, и мы направились к лифту.

Я нажала кнопку вызова, но ждать прибытия лифта пришлось довольно долго. Он то громыхал где-то на верхних этажах, то останавливался и снова приходил в движение, но до нас почему-то так и доходил. Можно было, конечно, подняться и пешком, но я была не одна. Наконец лифт спустился вниз, и его двери открылись. Из лифта вышли четыре человека, мы с Тамарой Семеновной вошли внутрь, а следом за нами в лифт втиснулись двое мужчин, судя по одежде, пациенты.

– Нам на восьмой этаж, – сказала я и уже собиралась нажать кнопку, как один из больных сообщил, что лифт поднимается только до шестого этажа.

– А как же подняться выше? – спросила Тамара Семеновна.

– Вам надо будет подняться до пятого этажа, потом пройти направо по коридору, там вы увидите еще один лифт, и вот он-то вас уже и доставит до восьмого этажа, – объяснил

худощавый мужчина в домашней пижаме. – Только на шестой этаж не поднимайтесь, потому что там коридора нет.

– Да что же так все сложно-то? – спросила Алешечкина.

– А потому что проект такой! – ответил больной в пижаме.

– Бардак, натуральный бардак, а не проект, – выдал свою характеристику лифтовому хозяйству больницы другой пациент – хмурый толстяк с перевязанной правой рукой.

Тут лифт как раз доехал до пятого этажа, и мы с Тамарой Семеновной вышли. Не прошло и пятнадцати минут, как мы, преодолев все сложности со следующим лифтом, добрались до первой хирургии.

– Где здесь находится реанимация? – спросила я у проходившей мимо девушки в медицинской униформе.

– А туда посторонним нельзя, – авторитетно заявила она.

– Мы не посторонние, – возразила ей Алешечкина. – Я – сестра больного.

– Все равно нельзя, это же реанимационная палата, там только обслуживающий персонал находится.

– Скажите, у кого можно узнать о состоянии больного? – вступила я в разговор.

– Пройдите в ординаторскую, там вам все скажут. Прямо по коридору, – добавила она, увидев, что мы стоим на месте.

– Идемте, Тамара Семеновна, – сказала я Алешечкиной.

В ординаторской находился один-единственный молодой врач.

– Мы по поводу Перегудникова Владислава Семеновича, – произнесла Алешечкина, – хотим узнать о его состоянии.

– Его только что прооперировали, – сообщил врач, – я сам ассистировал.

– Ну как он, доктор? – взволнованно спросила Тамара Семеновна.

– Он сейчас под наркозом, – ответил врач, – состояние средней тяжести.

– Нам сказали, что к нему нельзя, – заметила Алешечкина.

– Естественно, в реанимации родственникам не место. Вот переведут его в общую палату, тогда – пожалуйста.

– Доктор, а когда его переведут из реанимации? – вновь задала вопрос Тамара Семеновна.

– Ну, кто же вам сможет ответить? – пожал плечами врач. – Все будет зависеть от его состояния.

– Сестра пострадавшего беспокоится о его безопасности, – пояснила я, – ведь на Перегудникова было совершено покушение.

– Вы напрасно беспокоитесь, у нас посторонние тут не ходят, – заверил врач.

– Я останусь и буду стоять у дверей реанимационной палаты, – раздался голос Владимира Канареечника, который, видимо, стоял за дверью и мог слышать наш разговор.

Владимир открыл дверь и вошел в ординаторскую.

– Ну, вообще-то телохранитель Владислава Семеновича – это я, – возразила я водителю.

Врач с интересом посмотрел на меня.

– Я же говорю: в охране пациента нет никакой необходимости, – сказал он.

– Но я же могу стоять у входа в реанимацию? – упрямо спросил Канареечник.

– Можете, конечно, – ответил врач, – но...

– Спасибо вам за информацию, мы разберемся между собой, – произнесла я и, подхватив под руки Алешечкину и Владимира, повела их к выходу.

– Евгений, я вам тут составил список соседей Владислава Семеновича, как вы и просили, – когда мы вышли в коридор, проговорил Канареечник и сунул мне в руку лист бумаги. – Вы найдите того, кто все это сделал, а я тут подежурю.

Я подумала, что в его словах есть резон: чем быстрее я найду преступника, тем быстрее ликвидирую опасность, нависшую над Перегудниковым.

Глава 2

Из железнодорожной больницы мы с Тamarой Семеновной вернулись в коттеджный поселок. Я решила пойти к соседям Перегудникова, раз список, составленный Владимиром, был уже у меня в руках. Но сначала я занялась обследованием местности вдоль забора, который опоясывал поселок по периметру. Мне не давал покоя вопрос: как же преступник мог выбраться за пределы поселка? Поэтому для меня была важна всякая мелочь вроде поломанных веток или вмятин от ножек лестницы, если таковые имелись. Пригодились бы и окурки от сигарет, и пустые бутылки или банки. Все это могло бы пролить свет на то, каким образом преступнику удалось проникнуть на территорию поселка и выбраться из него.

Я, внимательно всматриваясь, пошла по дороге вдоль забора. Сначала ничего необычного не наблюдалось. Но вот мое внимание привлек небольшой участок рядом с кустарником. На первый взгляд это была как будто бы просевшая земля, заброшенная ветками. Я подобрала валявшуюся рядом сучковатую палку и поворошила ветви. Так и есть! Кто-то сделал в этом месте подкоп.

Я, как гончая, которая взяла след, быстро вышла за пределы поселка и подошла к месту подкопа с внешней стороны. А здесь трава была примята, как будто бы на ней валялись. Или же что-то по ней волочили. Я тщательно обследовала участок и обнаружила небольшой кусок полиэтилена. Он был явно выдеран из пакета. Нетрудно догадаться, что было в пакете: ноутбук, мобильник и документы из сейфа. Но теперь в картину преступления следовало внести коррективы: преступник был не один, у него имелся сообщник. Тот тип, который орудовал в коттедже Перегудникова, закончив свое дело, добрался до места подкопа, который был сделан заранее. С другой стороны уже находился второй преступник. Номер первый привязал конец веревки, или бечевки, или, наконец, лески к пакету, затем подергал веревку – ведь оставшийся моток тоже загодя был протянут через подкоп, – и номер второй, дождавшись условного знака, благополучно вытащил пакет наружу. А что он сделал дальше? Невдалеке я заметила следы от шин внедорожника, предположительно джипа. Значит, сообщник, забрав пакет, благополучно отбыл в неизвестном направлении. А вот куда делся тот, кто напал на Перегудникова? Это пока остается загадкой.

Я еще раз обошла предполагаемое место, где подельник дожидался преступника. Увы, никаких окурков, огрызков и пустых банок или бутылок я не нашла. Ну, разумеется, преступники ведь не олухи царя небесного, а очень даже профессионалы. Но кое-какой след я все-таки обнаружила. Это был отпечаток ботинка военного образца примерно сорок пятого размера. Я стала осматривать ветки росшего рядом дерева. На самой нижней из них висела нитка, да не простая, а тоже армейская. Ошибиться я не могла. Уж у меня-то, как ни у кого другого, на эти дела глаз был наметан. Скорее всего, преступник зацепился за ветку одеждой.

Я снова вернулась в поселок. Но на этот раз я выбрала не основную улицу, а тропинку, которая шла параллельно ей. У меня мелькнула мысль, что преступник, чтобы не засветиться, мог решить пойти в обход, или, как говорят в народе, пробираться огородами. Я тоже нашла неприметную на первый взгляд тропинку, которая и привела меня от самого подкопа к коттеджу доктора. Кроме того, в одном месте, где земля была наиболее рыхлая, я обнаружила и второй след от армейского ботинка.

Я развернула лист со списком соседей Перегудникова, который составил Владимир. Ближайшими соседями в нем значились супруги Шерстобитовы, Капитолина Николаевна и Георгий Прокопьевич. Я подошла к калитке и позвонила. Вскоре дверь открыла женщина лет шестидесяти.

– Здравствуйте, – сказала я, – я расследую нападение на Владислава Семеновича Перегудникова, вашего соседа, меня зовут Евгения.

Женщина понимающе кивнула.

– А я – Капитолина Николаевна, проходите в дом, – пригласила она.

Коттедж Шерстобитовых тоже был одноэтажный, как и у доктора. Пока я шла по поселку, я обратила внимание на то, что таких коттеджей было больше, чем навороченных, двух- или трехэтажных, с башенками, балконами, балюстрадами и прочими изысками.

Капитолина Николаевна провела меня в гостиную и предложила чай. Пока она его готовила, я рассматривала комнату. Она была выдержана в деревенском стиле, с полотняными дорожками, деревянной мебелью и другими элементами подобного декора. Еще в прихожей я обратила внимание на подставку для зонтов, выполненную из березового полена. Потолок в гостиной был беленый, а стены оклеены бумажными обоями коричневато-зеленого оттенка с рисунком из небольших листочков. Шторы были подобраны в тон обоям. Очень эффектно смотрелся ажурный тюль, доходящий до середины окна, на подоконнике которого стояли горшки с геранью.

Мебель в гостиной стояла самая обычная: диван, посудный шкаф, журнальный столик и два кресла, все из дерева. Диван и кресла были застелены накидками, напоминающими домо- тканое полотно, столик покрывала вязаная кружевная салфетка.

В посудном шкафу стояли белые тарелки с нарисованными цветами, птичками и листьями, а также пара пузатых кувшинов, украшенных ярким орнаментом. На центральной полке шкафа находилась явно дизайнерская «штучка» – чашка в виде половинки яблока.

Капитолина Николаевна вскоре вернулась, неся расписной поднос, уставленный заварочным чайником, чашками из тонкого фарфора, а также розетками с вареньем и вазочками с печеньем и конфетами. За чашкой вкусного, ароматного травяного чая я завела разговор на интересующую меня тему.

– Скажите, Капитолина Николаевна, вы что-нибудь необычное слышали или видели сегодня утром? – спросила я.

Женщина помолчала, потом ответила:

– Нет, ничего такого не было.

– А домашние животные у вас есть? Ну, кошка, собака? Может быть, они вели себя не так, как всегда?

Капитолина Николаевна горестно вздохнула:

– Когда мы только переехали в новый коттеджный поселок – не сюда, этот дом у нас уже второй по счету, все начиналось хорошо и радостно: стройка, ремонт, знакомства, новые перспективы и преимущества. Мы завели кошечку, о которой мечтали, еще когда жили в городе. Но нашим соседям мы почему-то не понравились. А наша кошечка – так тем более. Выяснилось это случайно: я была дома, соседка, думая, что никого нет, бросила в мою кошечку камнем. На мое замечание, что можно шугнуть кошку, а не камнями бросать, она начала вопить, что у нее на огороде все сохнет. В чем связь, я так и не поняла. Там, где мы раньше жили, была глинистая кислая почва, естественно, что ничего не росло, ведь чернозем или перегной соседи не завозили, потому что экономили. Хотя на показуху у них времени, сил и денег хватало: и лужаечку перед домом засеяли, и гараж быстро построили, и забор глухой поставили. Потом я поняла, что эта ситуация была просто поводом, спусковым крючком. Со злости соседка решила нашу кошку отравить, но отравила только соседскую собаку. Когда мы переехали сюда, мы уже не стали заводить ни кошку, ни собаку: уж очень печальные воспоминания у нас остались.

– Понятно, – произнесла я, – а что вы можете сказать о своих здешних ближайших соседях?

– Ну что я могу сказать? Здесь живут люди интеллигентные, не в пример моей тамошней соседке. Я вообще была в шоке, когда увидела, как эти странные соседи – по старому поселку – сливали канализационные воды в русло ручья, который находился рядом с нашим забором. Это же все попадает в грунтовые воды, которые мы все пьем (у нас своя скважина). Мы стали

следить за ней, но поймать ее за руку все никак не получалось. Мы с мужем тогда написали на них заявление. Приехали представители из администрации, мы им все показали, они сказали, что примут меры. Но соседи как сливали все это, так и продолжали сливать, а мы для них стали врагами. Нашли на чем сэкономить! – возмущенно проговорила Капитолина Николаевна. – Они явно люди не бедные, самые первые из всех жителей поставили гараж и баню. Пенсия у них очень даже приличная, да и зарабатывают ремонтом неплохо.

– Хорошо, давайте теперь поговорим о тех людях, которые живут здесь, в поселке «Тарасовский Изумруд», – попыталась я направить беседу в нужное русло.

– Ну, а что они? Я же говорю: порядочные люди. Вот взять хотя бы Владислава Семеновича. Добрейшей души человек, великодушный, отзывчивый. Скольким он помог! Кого от запоя вылечил, кого от наркомании. Я уж вам по секрету скажу, – тут Шерстобитова понизила голос, – у моей внучки было ночное недержание мочи, энурез по-научному называется. Уж сколько времени родители с ней мучились. По каким врачам только не ходили, ничего не помогало. А Владислав Семенович провел несколько сеансов, и все прошло. Как рукой сняло! И у какого мерзавца рука на него поднялась! Вот если бы это произошло там, где мы раньше жили, я бы ничему не удивилась. Мои тамошние соседи, кроме всего прочего, еще и нечисты на руку были, воровали всё, даже шланг для слива. Поначалу воровали даже перегной у нас, который мы купили, но развезти не успели, причем тележками таскали, не стесняясь. Муж это увидел случайно, когда неожиданно в обед заехал домой по делам. Странные люди, как так можно? – Капитолина Николаевна пожала плечами. – Есть ли у них совесть? Впору было хоть забор сплошной, высокий ставить, чего мы не планировали. А как иначе? Никак. Мне внучатая племянница так и сказала: «Тетя Капа, есть компромисс. С теми соседями, чьи взгляды на жизнь не совпадают с твоими, – три метра бетона стены, с другими – сеточка, цветочки и общая калиточка. Я б от таких соседей не то что забором – рвом с крокодилами отгородилась бы». Но мне, Евгения, никогда не хотелось жить с трехметровым забором. Вот за границей любо-дорого смотреть на лужайки возле домов, а любой шум соседей наказывается полицией.

«Видно, проживание в прежнем коттеджном поселке Капитолине Николаевне далось очень нелегко, – подумала я, – поскольку она и сейчас вспоминает все перипетии той жизни. Но если она и дальше будет говорить о своем, то я ни на шаг не приближусь к цели своего визита».

– ...дома из поколения в поколение переходят, – продолжала Шерстобитова, – все друг друга знают и помогают друг другу. Я думаю, немаловажно, что в этой нашей «старой» части поселка не понты, как сейчас выражается молодежь, и башенки важны. Хотя есть и очень обеспеченные люди, и очень красивые дома. Я помню, когда мы вырвались из хрущёвки в центре города в свой дом, то вздохнули наконец свободно. А на городской квартире, представляете, Евгения, были постоянные разговоры с соседями о том, что вы «двигали табуретками в час ночи на кухне» или «почему вы дома носите обувь на каблуках?», и многое прочее, что вроде бы ерунда. Но феном в квартире я пользовалась до двадцати трех часов, чтобы, не дай бог, не разбудить соседку через стенку. Вот так! – Капитолина Николаевна перевела дух и отхлебнула уже успевший остыть чай.

– Ой, чай совсем остыл, пойду заварю новый, – сказала она и направилась на кухню.

Вскоре она вновь появилась с заварочным чайником в руках.

– Давайте, Женя, я и вам налью. Да, вы вот спрашивали про собак и кошек, не вели ли себя они как-то необычно? Так вот, у моей ближайшей соседки, Регины Васильевны Ширшовой, есть и пес и кот, Тимур и Барс. Ну, естественно, живут они как кошка с собакой. Как только бедная Региночка выдерживает весь этот кильдим, ума не приложу. Говорит, что не может расстаться ни с одним из них. Хотя это еще что! Вот у моей соседки по городской квартире было целых три кошки, представляете!

– Капитолина Николаевна, так что там с животными Регины Васильевны приключилось? – вернула я Шерстобитову в тему.

– Так вот, – продолжила словоохотливая женщина, – рано утром сегодня – сколько было времени, не скажу, не знаю, потому что на часы не смотрела, – проснулась я от жуткого собачьего лая. Ну, думаю, это Тимур надрывается, только с чего бы это? Может, это он на Барса ополчился в очередной раз, чего-то они там не поделили? В общем, побрехал он, побрехал и вдруг неожиданно заткнулся.

«Значит, в это время здесь находился преступник, – подумала я, – ведь неспроста же залаял этот Тимур. И время – раннее утро – совпадает».

– Капитолина Николаевна, а к вашему дому можно пройти обходным путем? – спросила я.

– Нет, – ответила Шерстобитова, – к нам – только по главной улице.

– А к кому из жителей поселка тоже нельзя пройти окольными путями?

– К Масловаровым нельзя. Это муж с женой, они тоже пенсионеры, их дочка руководит строительной организацией, такая деловая, хотя и молодая совсем, еще и тридцати нет, но хватка – ой-ей-ей! – похвалила женщина преуспевающую бизнес-леди. – Так вот, они живут в поселке не круглый год, а с мая по ноябрь, а потом уезжают в город.

– Получается, что у них здесь что-то вроде дачи? – уточнила я.

– Нет, это жилой дом, в нем можно жить и зимой, но зимой он пустует. А летом сюда приезжают внуки Масловаровых, потому что дочка с зятем занимаются бизнесом, и им, сами понимаете, не до детей. Хотя я не понимаю, как можно отодвигать воспитание детей на второй план? – Шерстобитова неодобрительно покачала головой.

– Капитолина Николаевна, вы говорили, что Масловаровы – не единственные, к кому нельзя пройти окольным путем, – напомнила я.

– А, ну да, конечно, еще семья Найденовых. Они музыканты: муж, жена и их дочь. Знаете, так интересно получилось: сначала они жили в Тарасове. Супруги преподавали в консерватории, она – фортепиано, он играл на каком-то духовом инструменте, кажется, на флейте. Ну а дочка тогда училась, тоже, естественно, в консерватории. А потом они уехали в Москву, там обосновались. А сюда приезжают во время отпуска.

«Накладно, наверное, иметь коттедж только для того, чтобы заезжать сюда в отпускное время, – подумала я, – ведь его содержание стоит немалых средств».

– Да и то сказать, расположен их коттедж не очень удачно, как, впрочем, и у Марии Григорьевны Афониной. К ней тоже вход только со стороны дороги.

– А почему неудачно? – спросила я.

Кажется, Шерстобитова перестала отвлекаться на побочные темы и стала говорить по делу:

– Ну, судите, Женя, сами. Поселок наш сам по себе хороший, сосны, речка близко, ходят маршрутки. Первоначально он числился в черте города, там в свое время начали строиться «новые русские». А знаете, какое название он имел поначалу? Его закономерно называли Кулацким. Ну да, Кулацкий поселок. Единственный недостаток этого поселка – теснота. Участки слишком маленькие. Ну, построил ты себе коттедж, хоть трехэтажный, хоть с балконом, хоть без него. Так какой смысл в этом коттедже, если он окнами на точно такой же коттедж смотрит? Никакой даже тебе иллюзии уединения. А земля все ж таки дорогая, не всем даже обеспеченным по карману, поэтому изначально люди на участках экономили, брали понемножку. Ну, и вот результат: улица с прилепившимися друг к другу вплотную разнокалиберными домами. И ладно, если с соседями повезло и можно по утрам перемигиваться из окошка в окошко. А если не повезло, как мне?

Я почувствовала, что Капитолина Николаевна тихо, но верно сползает к теме «Я и мои непорядочные соседи», и задала упреждающий вопрос:

– Капитолина Николаевна, а что же с Марией Григорьевной?

– А что с ней? С ней все нормально. Она раньше работала главврачом медсанчасти, да и покойный ее супруг был генералом. Теперь вот живет здесь, а в городе у нее остались дочь, тоже врач, и внук, естественно, тоже врач, только будущий, сейчас учится в медицинском университете.

– Дочь с внуком давно навещали Марию Григорьевну? – спросила я.

– Давно, – ответила Шерстобитова. – Дочь и внук находятся сейчас за границей на курорте. Ну да Мария Григорьевна – женщина еще крепкая, опять же, домработница у нее имеется, так что с покупкой продуктов никаких проблем нет. А вот в соседях у нее, – Капитолина Николаевна понизила голос, – сектанты!

– Неужели? – удивилась я. – Как же так получилось? Ведь сектантов к «новым русским» никак не отнесешь.

– Мария Григорьевна построила себе маленький, хотя и двухэтажный, коттедж, но без всяких там фонтанов и прочих наворотов. Участок ее сейчас вполне благоустроен, а когда-то был весь завален строительным хламом. Я почему это знаю, потому что на наших глазах строительство шло. Ну, так вот, а напротив ее будущего коттеджа стоял массивный особняк, его построил сосед – какой-то бывший криминальный авторитет лет под пятьдесят. Приезжал он редко – этот дом был его летней резиденцией, а жил он в основном в городе. А потом, примерно через пару лет, он развелся с женой и насовсем переехал в этот свой «летний» дом. Он только на словах был «летней» резиденцией, а так – вполне жилой дом, кирпичный, добротный, с хорошей котельной, водопроводом и прочими удобствами. Отдельно располагалась основательная баня размером практически с сам дом. Все было бы ничего, но, разведясь, этот сосед-авторитет принялся безудержно пить. Иногда один, иногда с шумными компаниями, по несколько дней, с огромными колонками, вытащенными на улицу, с помывками в бане в компании женщин легкого поведения, пением под гитару и фейерверками до утра, пару раз был даже живой оркестр. Никакие доводы про маленьких детей не работали. Соседу было наплевать на все вообще и на маленьких детей в частности. У него неделями был совершенно бессмысленный вид – то ли алкоголь, то ли наркотики, то ли и то и другое сразу. Пару раз у него случался пожар. Напившись, он мог валяться в огороде всю ночь, а наутро вызывал такси, чтобы ему привезли новую партию выпивки. Несколько раз по ночам настойчиво напрашивался к нам в гости, когда было не с кем выпить! Представляете, Женя? «Ты меня уважаешь?» – орет и все такое. Кроме безудержного пьянства, он еще любил пострелять. Выйдет из бани, обвязанный полотенцем, поставит на соседский забор банки и бутылки и начинает стрелять по ним из двустволки, а потом и из пистолета. Бедная Мария Григорьевна! Милицию она вызывала раза четыре, еще несколько раз с соседом по-хорошему говорили знакомые внука, не боявшиеся криминальных авторитетов. А ему – хоть бы хны! Все разводили руками: ну вот такой он придурок, что с него взять, пальцем у виска крутили. Посадить – никак. Отнять оружие – тоже никак. Кончилось все тем, что он прострелил своему приятелю во время пьянки то ли ногу, то ли руку и с тех пор со стрельбой завязал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.